

ЭТНИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Впервые созданный как жанр и примененный византийским писателем Прокопием Кесарийским еще в 6 веке в значении короткого рассказа о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица, анекдот за полторы тысячи лет своего существования приобрел широкую популярность и в отличие от многих других культурных феноменов, утратив индивидуальное авторство, получил расширительное толкование. Выделяются исторические, политические, профессиональные, этнические и широко распространенные и популярные в различных слоях общества «срамные», связанные с низовой тематикой, анекдоты. Главная особенность, присущая любому анекдоту, – это неожиданная и остроумная концовка, которая должна обнаружить (или скорее «сотворить») и устный рассказ, и саму коммуникацию по поводу него.

Поэтому отмеченная *differentia specifica* анекдота задает возможность его понимания и получения объяснения в рамках общих концепций творчества. Так, известный венгерский исследователь проблем творчества А.Кестлер рассматривает смех как уникальную деятельность на уровне физиологических рефлексов, не имеющих определенной биологической цели, бесполезную и не связанную с борьбой за выживание. Комедийное вдохновение имеет общую с художественным новаторством и научным открытием модель «бисоциативного мышления». Ему присуща разница между уровнями стимула и реакции – т.е. создаваемый на высоком личностном уровне стимул вызывает ответную реакцию на уровне физиологии (см.: 5). Коммуникативное пространство, выстраиваемое в результате подобного рода творчества, парадоксально по своей сути, заполнено несуразностями, гротескно. Перефразируя известное изречение отца Павла Флоренского «Пространствопонимание есть миропонимание», следует добавить к нему и себя-понимание. Последнее включает понимание своей выделенности из прочего бытия, своего особого места в нем, понимание своей ответственности и напряженности своей самоопределенности. Это требует выяснения отношений как с окружающим нас миром, так и с самим собой. Выворачиваемость мира, представленная, в частности, в анекдоте, позволяет осуществлять этот процесс миро- и самоидентификации. Этнический же анекдот в рамках обыденной коммуникации является выражением и «изображением» на языковой сцене, если воспользоваться семиотической терминологией (1, с. 27), подлинной субъективности индивида, его мироощущения и мировидения.

Совместное участие в парадоксальном восприятии – это и есть условие существования анекдота в нашем мире. Анекдот является свидетельством определенного успеха общества в углублении социального опыта, в росте самосознания, критики и культуры, развития социальных отношений, потому что с анекдота начинается разрушение кажущихся незыблемыми ценностей. Несмотря на то, что он довольно часто может включать в себя оскорбительные и «грязные» (или «низовые») темы, а возможно и благодаря этому, он представляет собой часть народной культуры, то есть по своей природе демократичен.

Несмотря на универсальность сюжетных ситуаций, используемых в анекдотах, они, как всякий культурный продукт, контекстуальны, смысл их улавливаем при знании национальных и региональных особенностей. Многие комические вещи могут быть совершенно непонятны одним людям и близки другим, так тесно они связаны с культурными и языковыми особенностями определенного общества. Например, для некоторых культур, таких как японская, китайская или корейская, и образа жизни, сформированного в них, характерна расположенность к согласованным действиям и решению спорных проблем через компромисс. Показательным случаем является момент моего общения с хорошо владеющей русским языком студенткой из Южной Кореи, не сумевшей вспомнить, как переводится на корейский язык слово «анекдот», при этом смысл

русского слова она отлично понимала. Поэтому мы, встречаясь с выражением комического в подобных культурах, не считываем его как вызывающим смеховую реакцию. Китайские анекдоты сяо хуа (переводимые на русский язык также и как шутка) удивляют своей чуждостью европейскому смеху. Например, такая: «Почему китайские мальчики высокие, а японские низкие? Китайские мальчики едят рис, который тянется вверх, а японские рыбу, которая стремится вниз». Особенностью китайского анекдота сяо хуа, посвященного национальной проблематике, является возвеличивание государственной нации, демонстрация ее преимущества перед другими, даже при использовании международных универсальных сюжетов, таких как полет в самолете представителей разных национальностей и т.п. При этом «сцементированность» политической нации такова, что, несмотря на высокую полиэтничность (в современном Китае живут 56 этносов) и приписывание разным этносам достаточно четких этнических психолого-моральных характеристик, практически в китайских сяо хуа данная особенность этнической карты Китая не наблюдается.

В отличие от вышеописанной ситуации в многонациональных европейских государствах со сложными межэтническими отношениями мы наблюдаем расцвет этнического анекдота. Известно, какое огромное количество этнических анекдотов было порождено сосуществованием в дореволюционной России, Советском Союзе или Австро-Венгрии разных этнических общностей и наций. Именно в многонациональных государствах этнические анекдоты имеют зачастую агрессивный и злобный характер. Иногда это сопровождается тем, что, кроме чувства солидарности, у рассказывающих и слушающих анекдоты подобного типа появляется чувство превосходства над другими, объектами осмеяния (преимущественно представляющимися на низовом уровне импотентами или извращенцами, или же полными придурками). Поэтому стоит подчеркнуть, что зачастую этнические анекдоты и шутки обостряют отношения между людьми и группами. Согласно Антону Зиждервельду, они акцентируют внимание на таких негативных особенностях осмеиваемой этнической группы как воображаемую глупость, скупость, импотенцию или, наоборот, нарушающую всякие приличия сверхсексуальность (6, р. 51).

При этом в Европе отмечается интересная топологическая странность. Вышеуказанные качества приписываются также восточным соседям: французы – немцам, немцы – полякам, поляки – украинцам, словенцы – сербам, русские – так называемым «чуркам», т.е. представителей различных кавказских или азиатских этносов, или героям популярного цикла этнических анекдотов – чукчам, после успеха талантливого советского фильма «Начальник Чукотки».

Несмотря на культурно-психологическое своеобразие, выступающее фоном этнического анекдота, он архетипически выстраивается довольно однообразно. Этнические шутки достаточно универсальны, поскольку по содержанию они в целом сходны в разных странах и культурных контекстах. Высмеивая обычно недалекость членов определенной этнической группы, ограниченность и жадность, или особенности сексуальной активности или пассивности, они являются продуктом глобализации современного мира. Последняя требует проясненности для людей их социо-культурного положения, и в связи с этим этнические шутки и анекдоты служат целям восстановления ясности для внутреннего мироощущения и функционируют в качестве своеобразного механизма управления поведением людей. Неопределенность статуса людей делается менее заметной в результате присутствия этнического юмора (в виде анекдотов и шуток) в их жизни. Различение «своих» и «чужих», возникающее в этническом анекдоте, делает объект насмешки аутсайдером наличной социальной ситуации и иллюзорно возвышает насмешника, по крайней мере, в собственных глазах. Поэтому люди, общественное положение которых неоднозначно и которые не относятся к основной популяции населения, и являются зачастую основными объектами этнических шуток и анекдотов.

Тот, кто шутит, предстает, по крайней мере, с собственной этической и интеллектуальной позиции в более выгодном свете, чем представители высмеиваемого этноса. В некоторых ситуациях смех служит выражением агрессивного отношения к другому (см.: 3, с. 2–5). Поскольку это достаточно четко выражено в межэтнических отношениях, то группы, являющиеся национальными аутсайдерами, находят свои средства контрагессии в рамках контркультурного процесса, в частности, и в анекдотах.

С другой стороны, специалистами по теории смеха подчеркивается роль смеха в сплочении национальных групп, исходя из его неподверженности унификации. Так, известный исследователь проблемы смеха в культуре А.Зиждервельд считает, что юмор занимает особенное место среди других отличительных признаков различных социальных групп, в том числе и национальных, поскольку он наименее подвержен влиянию унифицирующих тенденций. Юмор не только очерчивает границы этих групп, участвует в задавании пределов, но и выступает средством интеграции внутри них. Смех как результат и проявление юмора, шутки, анекдота играет активную роль в идентификации. Он участвует в процессе отождествления человека с группой, признании другого как своего. С одной стороны, он способствует сплочению внутри группы, а с другой стороны, является признаком ее сплоченности. Характерно это проявляется в еврейском юморе и, в частности, в еврейском анекдоте.

«Маленький Зяма:

– Папа, я хочу быть русским.

– Кем-кем?

– Русским.

– Значит так – выйди из-за стола, иди к себе в комнату и сиди до тех пор, пока не передумаешь!

Через час отец заходит в комнату сына.

– Ну как, еще не передумал?

– Подумать только! Всего какой-то час я русский, а уж от этих жидов натерпелся!!!»

Присутствие навязчивой темы идентичности в этническом, особенно в еврейском, анекдоте может объясняться неопределенностью положения субъектов, транслирующих анекдот, в современном мире. Особенность еврейского анекдота заключается в демонстрации характерной судьбы и жизни еврейского народа. В нем обнаруживаются такие черты как самоирония и подтрунивание над еврейским «счастьем». (Вспомним такие симпатичные анекдоты о знатоке заваривания чая или «отвлекающейся» с точки зрения родственников от умирания старой еврейки и др.). Симулируя слабость, еврейский анекдот усиливает сплоченность и единство этнической группы, подчеркивает идентичность и повышает степень самосознания. Но если внутри данной этнической группы анекдот выражает такие черты еврейского юмора как лиричность, печаль и самоирония, то при использовании его представителями других этнических групп он может из-за изменения контекста говорения, интонации и акцентировки приобретать явно антисемитские черты.

«Милиционер останавливает нарушителя и просит объяснить, почему тот превысил скорость.

– Ну какой же русский не любит быстрой езды?

– Ваши водительские права.

– Ну какие могут быть права у еврея?»

Иногда этнические анекдоты позволяют относительно безопасно для общества и государственных институтов высвободить агрессивность, накопившуюся в массах. Механизм этого описал в свое время еще З.Фрейд (см.: 4). Конфликтность, присущая отношениям между людьми, зачастую связана, по Фрейду, с вытеснением болезненных переживаний из области сознания, но при этом с активным и ненамеренным сохранением подавленных переживаний в замаскированном виде – шутки, оговорки, анекдота и т.п.

Замаскированность этих каналов позволяет людям безвредно для себя изживать коммуникационное напряжение в конфликтных ситуациях.

Через анекдот человек осуществляет идентификацию, то есть отождествляет себя с другим человеком или группой. Благодаря идентификации устанавливается эмоциональная солидарность с другими, принятие их норм и ценностей, усваиваются поведенческие модели, специфичные для группы. Анекдот позволяет изменить формальные напряженные отношения между группами в сторону их улучшения. Как справедливо отмечает А.В.Дмитриев, «результатом может быть переосмысление сложившихся отношений, приводящее к созданию «моста» между соперничающими группами» (2, с. 74). Но в ситуации открытого конфликта анекдот не сможет выполнять гармонизирующую функцию, поскольку конфликтующие стороны видят для себя в иронических и сатирических интенциях прямое оскорбление или угрозу для собственной идентификации.

Этнические анекдоты восстанавливают в условиях глобализации современного индустриального общества размытые социальные границы, поддерживают дистанцию между «нами» и «ими». В результате создаются элементы контроля и самоконтроля над национальными общностями, независимо от того, относятся ли они к меньшинству или большинству. Причем, эти анекдоты могут переинтерпретироваться, менять свою оценку с «положительно» на «отрицательно» в зависимости от того, кто их использует.

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика, поэтика. – М., 1994.
2. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. – М., 1996.
3. Левченко В.Л. Метафизика смеха // О природе смеха (материалы круглого стола). Одесса, 2000.
4. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Фрейд З. Избранное. – М., 1990.
5. Koestler A. The Act of Creation. – London: Hutchinson, 1984.
6. Zijderveld A.C. The Sociology of Humor and Laughter // Current Sociology. – 1983. – Vol. 31. – № 3.